

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Новые философские проекты

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-10-139-159

Энциклопедическая статья

Encyclopedia article

Власть*

А.Ф. Филиппов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Аннотация

В статье проводится философско-социологический анализ понятия власти. Точкой отсчета выступает интуитивно достоверное определение, в соответствии с которым власть представляет собой асимметричное стабильное социальное отношение. Характеристика власти как отношения исключает ее субстанциальное определение как качества, способности или силы, которое оказывается неплотворным в теоретической перспективе, поскольку власть предполагает прежде всего не силу, но соотношение сил. Отношение двух агентов не исчерпывает явления, поскольку за одним из участников, как правило, стоят превосходящие ресурсы, что указывает на стабильную асимметрию, присущую власти. Эта асимметрия не абсолютна: для сохранения власти как социального отношения требуется, чтобы у подчиняющейся стороны имелась сравнительная свобода в выборе действий. Тем самым устанавливается временной горизонт власти: асимметрия сил в борьбе за власть переходит в асимметрию на фоне завершившейся борьбы, которая при ее сохранении и закреплении образует третью асимметрию – стабильную власть. Пространственный горизонт власти образуется не телами агентов, но действиями, ожидаемыми в рамках отношения, которые предполагают мотивы. По мере роста социальной дифференциации и усложнения коммуникативной цепочки осознание мотивов сторон становится затруднительным. Власть может рассматриваться в нескольких перспективах: как необходимая

* Статья подготовлена в рамках проекта Электронной философской энциклопедии (ЭФЭ). Подробнее об ЭФЭ читайте на обложке журнала.

составляющая социальной жизни или как замаскированное принуждение; как универсальное или как специфическое отношение; как глубоко индивидуальное отношение или как характеристика отношений различных общностей; как эффект, достигаемый вопреки сопротивлению, или как возможность достижения эффекта, усиливаемая солидарностью. В завершении статьи приводится краткий обзор ряда современных определений власти из социологической мысли (от классического определения Макса Вебера до постпарсонских понятий власти Р. Даля, М. Манна, Н. Лумана и С. Льюкса) и политической философии (Х. Арендт).

Ключевые слова: власть, асимметрия сил, повиновение, насилие, приказ, мотивация власти, социальное отношение, символическое опосредование, Вебер, Парсонс, Даль, Манн, Луман, Льюкс, Арендт.

Филиппов Александр Фридрихович – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

afilippov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6544-9608>

Для цитирования: Филиппов А.Ф. Власть // Философские науки. 2019. Т. 62. № 10. С. 139–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-10-139-159

Power

A.F. Filippov

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article offers a philosophical and sociological analysis of the concept of power. The author starts from an intuitively reliable definition, according to which power is an asymmetric and stable social relation. Characterization of power as a relation dismisses its substantial definition as a quality, ability or force. The substantial definition turns out to be ineffective in the theoretical perspective because power implies correlation of forces and not simply force. The relation between two agents does not fully describes the power relation since one of the parties is usually backed by superior resources. This fact indicates a stable asymmetry inherent in power. However, this asymmetry is not absolute in its nature: power as a social relation persists only if subordinate party has a relative freedom of action. Thus, the time horizon of power is established: the asymmetry of forces during a power

struggle turns into asymmetry during the end of this struggle, which forms, in case of preservation and consolidation of second asymmetry, a third asymmetry that is stable power. The spatial horizon of power is formed not by the bodies of agents but by actions, which are expected within the framework of the relationship. These actions in their turn presuppose motivations. As the social differentiation grows and the communication network becomes more complicated, it would be difficult to understand the motivations of the parties. We might treat the concept of power in many alternative ways: either as a necessary component of social life or as disguised coercion; either as a universal or a specific relation; either as a purely individual relation or as a feature of the relations of different communities; either as an effect achieved in spite of resistance or as an opportunity to achieve an effect enhanced by solidarity. The article concludes with a brief overview of contemporary definitions of power, provided by social theory (M. Weber's classical definition, post-Parsonian concepts of power by R. Dahl, M. Mann, N. Luhmann and S. Lukes) and political philosophy (H. Arendt).

Key words: power, asymmetry of forces, obedience, violence, command, motivation of power, social relation, symbolic mediation, Weber, Parsons, Dahl, Mann, Luhmann, Lukes, Arendt.

Alexander F. Filippov – D.Sc. in Sociology, Full Professor, Head of the Center of Fundamental Social Science, National Research University Higher School of Economics.

afilippov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6544-9608>

For citation: Filippov A.F. (2019) Power. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 10, pp. 139–159.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-10-139-159

Интуитивно достоверное определение власти

Власть – асимметричное стабильное социальное отношение, наблюдаемое как перепад возможностей и шансов эффективных преднамеренных действий его участников.

В социологически точном смысле слова отношение власти всегда устанавливается только между людьми, одни из которых властвуют, другие повинуются. Без повиновения нет власти. Божественная власть, власть природы над людьми и людей над природой, в том числе над живыми существами, не обладающими человеческими разумом и волей, магическая власть над духами и силами – все это в перспективе социальной науки суть метафоры социальной, политической и вообще любой межчеловеческой власти, перенос социальной власти на отношения человеческого

с нечеловеческим. Понятие о божественной природе власти с этой точки зрения – исключительно человеческое понятие. И наоборот: в перспективе теологической и/или метафизической человеческая власть есть лишь продолжение, частный случай, модификация или вырождение изначальной причиняющей способности, могущества, силы. Во многих европейских языках «власть» и «мощь» примерно одно и то же. Таковы латинский термин «potestas» и производные от него во французском, английском, испанском, итальянском языках. Таково же и немецкое «Macht», происходящее от «mögen». В некоторых случаях понимание власти как мощи и могущества, как возможности добиться чего-либо до сих пор играет важную роль.

Однако этимология не лучший способ обоснования теории, ей тем более нельзя придавать решающего значения в деле демаркации социологически пригодных и философских понятий. В лучшем случае она может свидетельствовать об эволюции термина и о связях между словами, которые с течением времени перестали быть очевидными. Этимологию приходится иметь в виду при переводах и вообще при пользовании источниками. То, что на русском может быть в наши дни названо «силой» и «державой», будет на других языках называться тем же словом, что и более узко понимаемая нами власть. Ниже мы ограничиваемся социологическим и социологически релевантным пониманием власти. Моменты перехода социологического в метафизическое и теологическое должны быть обозначены, но здесь уже для дальнейшего развития потребуются рассуждения совсем иного рода.

Исследователи власти часто начинают с интуитивно достоверного. В каждую эпоху имеют хождение специфические для нее основные понятия. Однако их изменения не эволюция, здесь нет внутренней логики развития. Позднейшие модификации понятия не являются ни более адекватными, чем более ранние, ни искажениями некоторого первичного понятия, лучшего, чем позднейшие, и нет такой позиции привилегированного наблюдателя, находясь на которой можно быть безоговорочно уверенным в большей или меньшей адекватности своих понятий. Это разнообразие представляет сложность для исследователя. Поскольку история понятий не содержит указаний на тот путь, каким должен идти теоретик, нам остается в начале рассуждений попытаться «ухватить центральный интуитивно понимаемый смысл слова» [Dahl 1957, 202]. При этом сама интуиция всякий раз социально-исторически обусловлена: очевидное для одной эпохи не очевидно для других.

Мы начинаем с того, что должно быть достоверно для носителей одного с нами языка, но не можем рассчитывать на то, что эти интуиции разделяются всеми, а тем более – разделялись прежде или будут разделяться впредь и повсюду. Как любое фундаментальное понятие «власть» определяется, исходя из совместно разделяемого опыта. Но понимание власти является также полемическим, объединяя одних и разделяя других людей. Оно создает напряжение в области теории, находясь на границе между размышлением и повседневным опытом. Теоретически очищенное понятие власти операционально пригодно, с ним можно работать, однако его полемическая природа не исчезает даже в самых абстрактных построениях.

Рассмотрим составляющие представленного выше интуитивно достоверного определения власти, обратившись к каждому из входящих в него терминов по отдельности.

Отношение. Власть предполагает несколько участников, по меньшей мере двух: властвующего и подвластного. Она есть отношение между ними, а не свойство, не качество одного из них. Власть не есть *способность*. Отождествление власти и силы (готовности к эффективному насилию) ничего не дает в теоретической перспективе. Важно соотношение сил участников.

Власть не субстанциальна, она не существует как вещь и не передается как вещь. Проще всего наблюдать власть в отношениях двоих людей, но власть одного человека над другим может предполагать, что за одним из них стоят превосходящие ресурсы, прямо не задействованные в отношении, но имплицитированные в нем. Мы не видим этих ресурсов, но знаем, что без них власти бы не было. Диадическое отношение – простейший способ представления, наблюдения и описания власти, но не ее существования. Сама возможность того, что один, не пользующийся ничьей поддержкой и не имеющий невидимых ресурсов участник постоянно властвует над другим, – сравнительно менее вероятная, менее стабильная конструкция, чем более сложные отношения, в которые вовлечены разнообразные ресурсы. Любая власть означает стабильную асимметрию.

Асимметрия – перепад возможностей действия и шансов добиться своего. На стороне властвующих возможности и шансы в рамках *данного* отношения превышают возможности и шансы подвластных. У подвластных всегда есть возможности и шансы, но их сравнительно меньше, в особенности если они пытаются действовать вопреки властвующим. Власть властвующих тем больше, чем больше у них перевес возможностей и шансов. Од-

нако этот перевес не бывает абсолютным. Если подчиняющийся вообще лишен возможности действовать, власть властвующего сводится к страданию подвластного, становящегося объектом властного действия; в остальном власть оборачивается безвластием, поскольку пассивный объект бездеятелен. Поэтому даже власть, предполагающая беспрекословное повиновение, в принципе не исключает не только минимальные шансы на сопротивление подвластных, но и допустимую в рамках данного отношения относительную свободу выбора действий со стороны подвластных, необходимую для выполнения приказа. Распоряжение человеком как инструментом достижимо, но является не высшим выражением власти, а ее уничтожением как социального отношения. Дальнейшее уточнение понятия власти в этом аспекте потребует также и уточнения понятия действия.

Стабильный характер отношения означает, что асимметрия сохраняется в предвидимом будущем. Временной горизонт стабильности власти важен для повиновения приказам. Приказ отдается в расчете на то, что повиновение сохраняется. Подвластный повинует, исходя из того, что асимметрия в распоряжении ресурсами сохранится, т.е. на его стороне будет и впредь меньше возможностей действовать по своему усмотрению, а на стороне повелевающего – больше возможностей его принудить.

Стабильность относительна, она может быть поколеблена, может прекратиться. Власть может передаваться, переходить из рук в руки: это не передача вещи, но замещение *другими людьми* сохраняющихся позиций в той же конфигурации и при том же перепаде возможностей. Лишь для участников это выглядит как изменение самого отношения, изменение самого характера власти. Генезис власти, т.е. установление данной асимметрии ресурсов и шансов между участниками, является результатом борьбы; именно поэтому властное отношение может снова перейти в открытый конфликт, перепад возможностей и шансов может уменьшиться, но прямое сопротивление властвующему по умолчанию не находится в горизонте актуальных ожиданий участников отношения с обеих сторон.

Представим себе ситуацию до установления власти как ситуацию борьбы. Перевес сил, приводящий к победе властвующего, – это первоначальная асимметрия; достигнутая стабильность – ее предварительная фиксация, представляющая собой победу и поражение, неоспариваемые в горизонте актуальных ожиданий. Асимметрия сил в борьбе переходит в асимметрию сил на фоне прекратившейся войны, но такая

стабильность означает констелляцию, которая может оказаться недолгой. Сохранение констелляции, установление прочного порядка и есть асимметрия, достигнутая третий раз, стабильная власть.

Стабильная власть делает излишним издание значительной части приказов. Перепад шансов образует словно бы русло для потока действий, которые имеют сами по себе цельность и завершенность, как правило, не зависящую от распоряжения, нарушающего каузальные связи, т.е. от создающего новую каузальность приказа. Но само устройство привычной связи действий, само русло для их потока сформировано властью. Свободные (в отсутствие приказа) действия означают исполнение основного приказа, введшего их в это русло. Именно как свободные они суть действия подвластных, как тех, кто не отдает себе отчета в своем подчиненном положении, так и тех, кто видит существо дела. В устойчивых организациях, системах, больших сетях не видна изначальная характеристика всего устройства, не очевидно, что оно создано приказами ради поддержания и сохранения перепада шансов (см. также ниже).

Подвластные находятся в пределах досягаемости для властвующего. Это *пространственный* аспект власти. В буквальном смысле власть означает возможность добраться до тела подвластного, ограничить свободу движений, причинить боль, умертвить. Тело занимает место в пространстве, и эта физическая достижимость тела всегда имеется в виду в делах власти, даже если речь идет о власти символической. Угрожающий телу внушает ужас как источник боли и причина смерти. В простой форме власти согласие подвластного подчиняться – оборотная сторона нежелания вреда для своего тела и страха смерти. Пренебрежение к телу делает более важными символические аспекты власти: обещание спасения (гибели) в смысле религиозном и обещание славы или бесславия как мирских эквивалентов спасения или гибели могут пересилить страх боли и смерти. Власть означает также способность изменить возможности действия для подвластного, не прикасаясь к нему и не прибегая к угрозам. Вопрос о шансах эффективного действия сложнее, чем вопрос о достижимости тела. Пространство власти – это не пространство одних только тел, но и пространство ожидаемых действий.

Возможности и шансы действия не определяются только отношениями власти, хотя власть сама означает бóльшие возможности властвующих сравнительно с возможностями

подвластных. Например, контроль над источниками воды и пищи, контроль над местностями, имеющими стратегическое значение, владение оружием и т.п., наконец, контроль над институтами славы или доступом к спасению сами по себе не являются властью. Мало иметь важные ресурсы, надо, чтобы другие нуждались в тех же ресурсах, но не имели к ним доступа и вынуждены были повиноваться приказам в обмен на доступ к ресурсам. Богатые ресурсами позиции позволяют обеспечить асимметрию в отношениях, перепад возможностей и шансов. В любой иерархической структуре занятие высшей позиции означает возможность отдавать приказы нижестоящим, однако поведение нижестоящих обусловлено приказами начальников лишь настолько, насколько универсальной и объемлющей социальные отношения является данная структура. При низкой социальной дифференциации исключительность статуса ведет к исключительности асимметричного отношения. Например, статус господина и раба исключает переопределение их ролей в зависимости от ситуации: господин всегда приказывает, раб только подчиняется; господин обладает всей полнотой добродетелей, соединяя в себе храбрость, мощь и мудрость, а раб – в предельном случае он вообще не подводится под понятие человека – годится лишь для простой и тяжелой работы.

С ростом дифференциации, с усложнением продолжительно стабильных ситуаций обнаруживается ограниченность ресурсов власти, прежде всего в вопросах компетентности и умений. Властвующий не может приказать что угодно, скажем, то, что явным образом противоречит известной ему природе вещей (он не только не может приказать камню подпрыгнуть, но и потребовать от раба заставить камень прыгать). Однако при этом куда важнее, что властвующий перестает знать в точности, что именно *во всех случаях* согласно с природой вещей и способностями подвластных, а что – нет. Он не располагает тотальной и универсальной компетентностью. Ему нужна компетентная поддержка и совет. Политическая власть, которая предполагает исполнение действий по приказу, основана не только на превосходстве в силе, но и на том, что вышестоящие – это носители особых умений и компетентности, необходимой для блага всех участников. Кормчий заботится о безопасном движении корабля к цели, врач – о здоровье больного, пастух – о благополучии стада. В этот же ряд попадает и политик, говорит Платон, но только по-

литическое стоит выше всех, организуя прочие искусства на благо политического единства¹.

Однако понимание знаний и умений как в целом единого комплекса, нуждающегося лишь в организующей властной воле, становится с течением времени все менее пригодным для объяснения многообразных отношений власти. Компетентность приказывающего предполагает принадлежность человеческих действий и целей такому порядку мира, которому не может противостоять своеволие. Власть над людьми и власть над вещами переходят одна в другую: так, опытный мореход умеет направить судно, *поэтому* он отдает приказы команде, но одно только подчинение людей, равно как одни только знания и опыт, не позволят привести корабль к берегу. Это подчинение на основе признания компетентности, осведомленности властвующего в объективных порядках мира затрудняет опознание власти, которая становится лишь одним из звеньев большой каузальной цепочки. По сути дела, собственно власть появляется здесь лишь вместе с возможностью волевого выбора по обеим сторонам отношения: и властвующего, и подвластных. Напротив, власть, которая понимается как победа одной воли над другой или другими, в принципе готова развернуться в борьбу над самой природой, объявить ничтожной любую объективность и естественную каузальность².

Мотивация повеления и повиновения

Исполнение власти и повиновение власти предполагают *мотив*, более или менее осозанный. Мотив властвования в категориях

¹ «То искусство, которое действительно является царским, не должно само действовать, но должно управлять теми искусствами, которые предназначены для действия; ему ведомо начало и развитие важнейших дел в государстве, благоприятное и неблагоприятное для них время, и все прочие искусства должны исполнять его повеления» [Платон 1994, 62].

² Фридрих Ницше отвергает понятие причинности как совершенно непригодное, поскольку за ним скрывается понятие намерения, т.е. вера в то, что есть отдельно вещь и отдельно – ее действие на другие вещи, подобно тому как есть неизменное «Я» и отдельно – его намерения и действия. «Вера в причинность восходит к вере в то, что тот, кто действует, – это я, восходит к отделению „души“ от ее деятельности. Вот оно, древнейшее суеверие!» [Ницше 2005, 18]. Воля к власти есть главная характеристика жизни или сущего как такового. В этой трактовке его понятие власти невозможно прямо переносить в политическую философию и социальные науки, тогда как понимание жизни в виде противоборства воль нашло широкий отклик в том числе и в социологии.

действия может быть описан как желание совершить действие, в цели и условия которого входит (широко понимаемое) действие другого человека. Таким образом, власть как отношение предполагает желание (вожделение) власти, а не просто эффективное целедостижение, в рамках которого использование другого, насилие над другим мыслится как возможное, но не обязательное. В предельном выражении желание власти не простирается дальше принуждения как такового, без учета того, ради чего совершается это принуждение. Тем благом, ради которого приобретается, удерживается, приумножается власть, является она сама, а не то, что достижимо при ее посредстве. Мотив подчинения, в свою очередь, лишь в предельном случае равен желанию избежать худшего: страдания или смерти. В большинстве случаев это желание сопутствует другим желаниям. Подчиняющийся имеет свои цели и достигает их, учитывая исполняемую над ним власть как одно из ограничений для своих действий. Сам характер целей и средств для их достижения определяются перепадом его ресурсов по отношению к властвующему. Желание производится в зависимости от возможностей действия и перспектив достижения. Память о шансах, которые были в прошлом и расчеты на успех в будущем конфликте, – источник перебоев в повиновении, нестабильности власти.

Персональное вменение повеления и повиновения – самый чистый тип отношений власти. Лишь тогда, когда властвующий может быть идентифицирован как индивид или группа индивидов, а отношение в той или иной форме может быть выражено в форме приказа, мы можем говорить о мотивах властвующих и подвластных. Фактически каузальная цепочка продолжается в обе стороны: властвующий может быть проводником высшей воли, отдавать приказ на основании приказа. Подчиняющийся может быть властвующим низшего ранга. Продолжение цепочки приказаний «наверх», к властвующим все более высокого ранга, позволяет ставить вопрос о высшей власти и о том, является ли она человеческой или надчеловеческой. Продолжение цепочки власти вниз, к подчиняющимся, позволяет обнаружить пределы волевого исполнения, различить обладающего собственной волей и не обладающего ею инструмента. Как в отношении высшей власти, так и в отношении низшего исполнения границы человеческого и нечеловеческого подвижны и зависят от исторической эпохи. Властитель как носитель особых качеств, связанный с высшими силами, подчиняющийся им и в зависимости от обстоятельств

способный поставить их себе на службу, уже не представляется своевольным. Природа его приказа лежит вне его самого и даже вне воли как таковой. Он может считаться проводником не просто божественных велений, но высшего, даже богам неподвластного закона. Он – звено в цепи неумолимо свершающихся событий, пусть даже одно из высших звеньев. Низший исполнитель, безвластный и безвольный, перестает считаться человеком, поскольку становится последним звеном в этой цепи. Высшее и низшее смыкаются, как начало и завершение, в совершенной объективности, не нуждающейся, строго говоря, ни в чем собственно человеческом. Вопрос о власти может быть здесь поставлен на языке социальной науки и политической философии лишь при выборе стратегии внешнего, не перенимающего точку зрения участников, наблюдателя, т.е. лишь при радикальном переописании в качестве вполне человеческого того, что самим участниками не считается человеческим. Надо найти место решения и точку вменения. Это известные сложности при исследовании архаических культур и пограничных по отношению к социальной науке философских и религиозных вопросов.

Успешное повеление в виде личного приказа свидетельствует о власти, но не о том, что ее обретение непременно связано с личным усилием. Власть как отношение может быть обеспечена социальным статусом, но для превращения статусной позиции в актуальную, исполняемую личную власть требуются дополнительные условия. «Господствующая группа», «господствующий класс», «властвующая элита» – что бы ни означали эти термины в разных теориях, речь никогда не идет о возможности каждого вышестоящего повелевать любым нижестоящим во всех ситуациях. Между позицией, которую требуется занять для успешной отдачи приказа, содержанием и формой возможных приказов, набором лиц, которым приказы могут быть отданы, и ситуаций, в которых приказы возможны, существуют сложные, меняющиеся от эпохи к эпохе связи – функциональные, организационные и социальные. Король может потребовать денег у министра финансов, но не берет на себя его функции в повседневном управлении. Врач, исполняя свою функцию, обычно не отдает приказы военному, если только не наделен специальными полномочиями. В организации есть иерархия контроля и подчинения, однако ее начальник не только не имеет власти в других организациях, но и не вмешивается во множество обстоятельств выполнения приказа в своей собственной. Можно приказать рабочему изготовить деталь, но отдельные трудовые операции лежат в области мастерства, а не

повиновения. Можно приказать шоферу ехать вопреки правилам движения, но это может обернуться катастрофой. Машины образуют особый мир орудий со своей собственной объективностью, лишенной воли к сопротивлению и солидарности с приказывающим. Приказ, вопреки своему изначальному смыслу, теперь уже преодолевает сопротивление не столько определенной чужой воли, сколько объективного, сложного и непостижимого положения дел. В свою очередь, в положении дел объективируются многочисленные результаты отдельных действий, целенаправленных, но не ориентированных непосредственно на действия приказывающего. Объективная реальность социального наряду с объективной реальностью техники, отчасти пересекаясь с ней, обладает собственной природой. Ее непрозрачность и неподатливость, необходимость познавать ее и управлять ею, а не править лишь с течением времени обнаруживаются в социальной жизни.

Чем более обозримы последствия каждого решения, каждого приказа, тем более недвусмысленным является понятие власти. По мере роста социальной дифференциации оно сохраняется либо в узких сегментах общества, где имеется иерархия, предполагающая приказ и дисциплину, либо там, где семейные и дружеские связи, принадлежность к клубам, землячества, товариществам позволяет в функционально и организационно плохо определенных ситуациях навязывать свою волю тем, кто не имеет таких ресурсов. Функциональные и организационные связи, внятные и консистентные социальные статусы создают каналы распределения приказов, которые не должны (хотя часто этого не удается избежать) интерферировать, создавать неопределенность для подчиняющихся. Области размытых правил коммуникации открывают возможности более архаической организации социальных событий, прямого столкновения и борьбы за ресурсы.

В более современных феноменах власти (не столько «еще не», сколько «уже не» персональной) не просто обнаруживается продолжение старого превосходства компетентных над некомпетентными. Здесь радикально минимизируется момент целеполагания и решения. Власть, циркулирующая внутри сложных современных структур, в организациях и сетях, может быть описана как функциональная связь событий, наступление которых значительно меньше чем прежде зависит от персональных мотивов и ресурсов. Само устройство тех областей социальной жизни, в которых сосредоточены специализированные, ориентированные на выполнение социальных функций действия и коммуникации (эти области часто и неточно называют социальными системами),

предполагает заменимость каждого из участников отношения и удлинение цепочек релевантных событий (например, событий приказа и подчинения) за горизонт индивидуальной перцепции и осмысления, а значит, – ответственности, планирования и целеполагания.

Совершая положенные действия, зная, что за правилами стоит власть издавать инструкции и приказы, а за ней – власть еще более высокая, участник социальных коммуникаций не испытывает потребности проследить всю цепочку до самого истока, в том числе и потому, что единого истока регуляций не существует. На своем месте он лично чаще всего заменим, его функции может выполнить другой; приказы не требуются, если течение дел не выходит за пределы инструкции или приказ является лишь рутинной, включенной в порядок выполнения инструкций процедурой; инструкции в малой мере зависят от личного мотива тех, кто их издает и/или следит за их выполнением. Социальные силы и политические интересы, стоящие за ними, не видны в повседневной жизни. Самоочевидность, «естественность» происходящего глубоко встроена в мотивацию, так что даже опознание своего положения как подчиненного, а своих действий – как повиновения власти оказывается затруднено и часто почти невозможно.

Современные концепции власти

Вопрос о власти, таким образом, может рассматриваться в нескольких альтернативных перспективах.

Первая альтернатива: позитивное или критическое рассмотрение. В *позитивном* смысле власть рассматривается как необходимая составляющая социальной жизни, а ее эволюция – как обезличивание социального, выведение формул приказа в область остаточного, экстраординарного. С ростом социальной дифференциации все больше становится таких областей социальной жизни, где власть приказа либо предполагается возможной лишь как граничное условие того, что само по себе функционирует без приказов, но иногда нуждается во властном вмешательстве (будь то поиск истины в науке или правовое урегулирование споров, экономические трансакции или спортивные состязания).

В *критической* перспективе власть рассматривается как замаскированное принуждение, которое с обеих сторон отношения представляется естественным течением дел, предполагающим разделение функций и компетенций, добровольное согласие, сотрудничество и т.п. Если подлинно человеческим считается лишь действие вне принуждения, то добровольность повинове-

ния, отсутствие сопротивления считаются симптомами худшего подавления свободной воли. Самое сложное для критического подхода состоит не в том, чтобы усмотреть отношения власти там, где их раньше не видели. Напротив, поиск порабощения в прежде представлявшихся естественными связях открывает все новые и новые области действия власти. Сложность же состоит в том, чтобы установить, «что люди делали бы в противном случае» [Льюкс 2010, 78], т.е. если бы не были подвластными. Иными словами, здесь эмпирически наблюдаемому положению дел должно противопоставляться некоторое выдуманное, сконструированное, причем это последнее считается более подлинным и как таковое берется в качестве масштаба для оценки реальных отношений.

Вторая альтернатива такова: либо власть рассматривается как универсальное социальное отношение, присутствующее в разных формах во всех областях социальной жизни, либо она считается специфическим средством, производимым и применимым в современном обществе специализированными институтами или системами, прежде всего, государственными. В первом случае власть лишается своей *differentia specifica*, но отдельная теория власти уже не требуется, поскольку самое социальное оказывается всецело пронизано властью. При этом специальная фокусировка исследовательской оптики все же нужна. Во втором случае проблемой становится соотношение политической и неполитической, государственной и негосударственной власти. Если власть государства имеет безусловный приоритет, это не значит, что она всегда была такой и что нет других видов власти, конкурирующей с государственной. Вмешательство политической власти в области неполитического, а также превращение неполитической власти в политическую становятся особой темой.

Третья альтернатива: власть понимается как сугубо индивидуальное отношение или, напротив, как характеристика отношений групп, классов или иных общностей. В первом случае, поскольку приказ и подчинение всегда являются *чьими-либо*, индивидуальное вменение власти означает также приписывание намерения, нашедшего выражение в приказе, и ответственности за последствия выполнения приказа другими людьми. На этом держится криминализация политических отношений: при смене политического режима мало признать преступным предшествующий строй, можно еще рассмотреть персонально, кто какие приказы отдавал и каким подчинялся. Во втором случае власть рассматривается как совокупный ресурс больших социальных групп. Они являются властными, потому что принадлежность

к ним создает наиболее благоприятные шансы для издания эффективного приказа, а также потому, что целеполагание приказывающего так или иначе увязано с сохранением шансов группы доминировать в отношениях власти. Отдельным вопросом становится здесь властное бездействие, отсутствие необходимых решений³, поскольку ни на стороне властвующих, ни на стороне подвластных нет мотива для видимых властных действий, лишь специфическая оптика наблюдений позволяет увидеть здесь то же отношение, что и при отдавании приказа.

Четвертая альтернатива: либо власть рассматривается как эффект, достигнутый *прежде всего* вопреки сопротивлению, либо же выступает в первую очередь как возможность достижения эффекта, усиленная солидарным действием многих. В этом последнем случае власть считается способностью соединиться, действовать совместно⁴, что в свою очередь ведет к отказу от понятия власти по модели команды, приказа. Вместе с тем при коллективном действии многих приходится отказываться от понятия целеполагания, потому что применительно к «концерту воль» вряд ли можно говорить о цели в точном смысле слова.

Таким образом, всякий спор о понятии власти всегда является также и спором о словах: достаточно ли одного слова, чтобы описать все важные и родственные феномены? Не приведет ли точное определение к чрезмерному сужению понятия власти? Не окажется ли чрезмерная дифференциация понятий лишением признаков власти родственных с ней феноменов? Не является ли именно команда, приказ граничным случаем, тогда как власть имеет характер более фундаментальный, всеобъемлющий и размытый? На эти вопросы нет однозначного и общепринятого ответа. Некоторые примеры концепций власти, приводимые ниже, лишь позволят немного лучше сориентироваться в распространенных способах рассуждения.

Классическим для социологии является определение Макса Вебера: «Власть означает любой шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопро-

³ Проблема состоит в том, что есть бездействие, не отвечающее на явные потребности в действии со стороны подвластных, а есть бездействие, которому не соответствуют никакие обиды и требования на их стороне. В этом последнем случае наблюдатель, как предполагается, занимает привилегированную позицию, он заранее знает, что за обиды мог бы высказать подвластный, если бы отдавал себе в них отчет [Льюкс 2010, 45–46].

⁴ Это можно также считать не «одним из», а центральным пунктом расхождения в понимании не только власти, но и всей социальной жизни.

тивлению, на чем бы такой шанс ни был основан» [Вебер 2017, 404]. Однако Вебер не считает понятие власти операционально пригодным. Он предпочитает другой термин: «господство»⁵. Именно в определение господства Вебер включает приказ. Господство, по Веберу, – это шанс в рамках определенного социального отношения рассчитывать на повиновение приказу. Не всякая способность добиться своего в рамках отношения может быть обеспечена посредством приказа. Не всякий властвующий господствует. Важнейшую роль в обеспечении господства играют политические союзы, располагающие правом на физическое насилие. *Право* означает, что господство может быть *легитимным*, т.е. оправданным чем-то большим и высшим, нежели превосходство в ресурсах. Именно господству на стороне властвующего соответствует *дисциплина* на стороне подчиняющегося. С понятием легитимного господства у Вебера связана типология политических союзов и концепция государства. Вместе с тем у Вебера есть и понятие иерократических союзов, власть в которых основана на *психическом принуждении* и обещании спасения. Различие и комбинация физического и психического насилия, видов легитимности, дисциплины и самостоятельности подвластных остаются у Вебера концептуально во многом не проясненными. Важным недостатком этой, как и многих других, концепций власти является то, что для целей социологического анализа Вебер вводит категорию господства, но на более высоком уровне, где речь идет об отношении политических союзов, прежде всего, государств, между собой, говорит именно о власти (или силе, в широком смысле слова «*Macht*»). Это мешает точному размещению приказа в ряду необходимых признаков власти *на определенном этапе* эволюции общества, а также не дает увидеть эволюцию приказа от издаваемого от имени высших сил повеления к обезличенным приказам в больших организациях.

Более простым оказывается понятие власти у Роберта Дала, для которого она фактически равна способности причинения. Даль специально конструировал понятие более фундаментальное, чем понятия контроля, влияния и господства: «У А есть власть над В в той мере, в какой А может заставить В сделать то, что в ином случае В делать не стал бы» [Dahl 1957, 202–203]. Трудность здесь, как мы уже могли видеть, в том, что Даль касается лишь акту-

⁵ «Господством называется шанс встретить повиновение у определенных лиц приказу известного содержания...» [Вебер 2017, 404].

ального состояния дел: А и В уже желают чего-либо, и А удается заставить В действовать в соответствии со своим актуальным желанием и вопреки его актуальному желанию. Это определение, несмотря на все его недостатки, покрывает множество случаев, которые явственным образом показывают отношение власти. Огромное исследование Майкла Манна об истоках социальной власти отчасти построено на таком же понятии: власть для него – это «способность заставить других делать вещи, которых они в противном случае не делали бы. Чтобы достичь наших целей (какими бы они ни были), мы вступаем в отношения власти, включающие кооперацию и конфликт с другими людьми и порождающие общества» [Манн 2018б, 7].

Важное дополнение здесь – «кооперация». Манн дает свое определение, опираясь на Толкотта Парсонса, в полемике с Ч.Р. Миллзом предложившего различать «дистрибутивную» и «коллективную власть» [Parsons 1960]. Парсонс сравнил власть и богатство. Когда мы говорим, что богатство распределено, это значит, что, по определению, то богатство, которым владеет одно лицо или одна группа, не может быть во владении другого лица или группы. В этом смысле богатство есть предмет конкуренции и конфликта. Но богатство должно быть также произведено совместными усилиями. Сходным образом рассматривается «власть как обобщенная способность или ресурс в обществе. Она должна быть разделена или распределена, но у нее есть и коллективные, а не только дистрибутивные функции» [Parsons 1960, 220–221]. «*Дистрибутивная власть* – это власть актора А над актором Б. Чтобы Б получил чуть больше дистрибутивной власти, А должен потерять часть ее. Но коллективная власть – это объединенная власть акторов А и Б, сотрудничающих, чтобы эксплуатировать природу или другого актора – В» [Манн 2018а, 19].

Манн называет четыре истока власти, которые он считает относительно автономными, – идеологический, экономический, военный и политический, но «власть» при этом оказывается вновь чрезмерно общим, теоретически сравнительно слабо проработанным понятием. В то же время Парсонс не ограничивался различением дистрибутивной и коллективной власти. Теоретически более продуктивной является его теория символически обобщенных посредников (средств) коммуникации. Парсонс уподобляет власть деньгам, а также ставит ее в один ряд с влиянием и приверженностью ценностям [Parsons 1965]. Власть производится в политической системе общества и обращается внутри нее, подобно тому, как деньги обращаются в экономике. Но кроме того,

также подобно деньгам, которые покидают систему экономики, власть выходит за границы политической системы. Власть обеспечивает выполнение обязательных решений в других, неполитических подсистемах общества: в экономике, интегративной (социальной) системе и системе поддержания паттернов социального взаимодействия. Властью Парсонс считает лишь *обобщенную* способность (а не любой единичный акт успешного принуждения, как у Даля) и только *легитимную* власть, которая не просто отсылает к *коллективным целям*, но и носит символический характер. Если требовать выполнения обязательных решений, угрожая негативными санкциями, принуждением, то можно добиться подчинения, ничего не давая взамен подчиняющемуся. Однако тот, кто подчиняется легитимной власти, рассчитывает, что эта власть пригодится и ему в других обстоятельствах.

Концепцию власти как обобщенного символического посредника развивает дальше Никлас Луман, однако Луман во многом расходится с Парсонсом. Простейшую ситуацию коммуникации, в которой задействованы лишь два участника («Я» и «Другой») Луман рассматривает не в терминах каузальности, а в терминах отбора шансов, так что «власть представляет собой шанс повысить вероятность возникновения прежде невероятных селективных связей» [Луман 2001, 24]. Несмотря на селективность, власть является *символически обобщенным* средством. Обобщенность означает независимость от конкретной ситуации (власть сохраняется, хотя ситуации постоянно меняются), а символизация позволяет обозначить единство актуального и потенциального (т.е. того, чего стремятся избежать как подвластный, так и властвующий). В позднейших работах Луман трактует «медиум» власти не как «средство», но как «среду» – тот социальный субстрат, в котором только и могут образоваться прочные, организационные формы власти. Изначально речь должна идти о влиянии, о том более общем положении дел, при котором участники коммуникации не могут обойтись друг без друга, не хотят взаимного недовольства. Без такой обобщенной способности влиять своими действиями на поведение других не бывает власти. «Власть была и остается социальным влиянием» [Luhmann 2000, 40]. По мере усложнения общества влияние усиливается настолько, что одной из его форм оказывается собственно власть. Ее специфика – особого рода санкции, в предельном случае – грубое физическое принуждение, которое постепенно оказывается прерогативой политической системы [Luhmann 2000, 49].

Концепции такого рода, в которых внимание сосредоточено на наблюдаемом поведении и решениях участников, Стивен Льюкс называет «одномерными». Они его не устраивают, как и «двухмерные» концепции, отличающиеся от «одномерных» тем, что здесь подвластные даже не принимают решения отказаться от борьбы, потому что дело не доходит до вызова интересам и ценностям господствующих. Но и в них не учитывается третье измерение: готовность действовать совместно с властвующими, активное согласие с властью со стороны подвластных [Льюкс 2010]. Но почему вообще можно говорить о власти, если сопротивления нет, а есть желание сотрудничать и подчиняться? Наблюдатель мог бы сказать (и это повторяется разными авторами), что подвластные сами не видят своих подлинных интересов и власть над ними состоит не только в уменьшении свободы действия, но и в лишении свободы рассуждения. Разумеется, в таком случае наблюдателю приписывается привилегированная позиция, способность отличать подлинные интересы подвластных от их «ложного сознания». Вопрос о том, как рассматривать готовность к подчинению, обеспеченную идеологическим аппаратом, структурным распределением ресурсов, доступом к информации, исторически сложившимся неравенством и т.п., является предметом споров.

Ханна Арендт, рассматривая понятие власти в связи с насилием, противопоставляет их самым радикальным образом. Насилие для нее в предельной форме означает «один против всех», тогда как власть – «все против одного». «Власть соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе» [Арендт 2014, 52]. За этим утверждением стоит сохраняющая веками идея власти как способности добиваться, соединенной мощи. Исторически эта соединенная мощь приписывалась *народу* (именно так можно трактовать знаменитую формулу Цицерона «*cum potestas in populo, auctoritas in senatu sit*»), и по мере расширения понятия народа менялось и понятие соединенной мощи. В конечном счете именно к нему восходит и понятие учреждающей (создающей конституцию как политическую форму народа) власти, дающей о себе знать лишь чрезвычайным образом, но потенциально способной пересоздать все политическое.

Особняком в современной философии стоит понятие власти Мишеля Фуко. Фуко словно бы рассыпает все соединенное, прочное. Он обращает власть в процесс бесконечного взаимодействия и противо-

борства и даже наиболее прочный из существующих институтов власти – государство – оказывается у него «ансамблем практик». Реконструкция его подхода потребовала бы отдельной статьи.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арендт 2014 – *Арендт Х.* О насилии / пер. с англ. Г. Дашевского. – М.: Новое издательство, 2014.

Вебер 2017 – *Вебер М.* Основные социологические понятия / пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова // *Вебер М.* Власть и политика. – М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 327–410.

Луман 2001 – *Луман Н.* Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001.

Льюкс 2010 – *Льюкс С.* Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А.И. Кырлежева. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

Манн 2018а – *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (книга первая) / пер. с англ. А.В. Лазарева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Манн 2018б – *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / пер. с англ. Д.Ю. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Ницше 2005 – *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12: Черновики и наброски 1885–1887 гг. / пер. с нем. В.М. Бакусева. – М.: Культурная революция, 2005.

Платон 1994 – *Платон.* Политик / пер. с др.-греч. С.Я. Шейнман-Топштейн // *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1994. С. 3–70.

Dahl 1957 – *Dahl R.A.* The Concept of Power // *Behavioral Science.* 1957. Vol. 2. No. 3. P. 201–215.

Luhmann 2000 – *Luhmann N.* Politik der Gesellschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000.

Parsons 1960 – *Parsons T.* The Distribution of Power in American Society // *Parsons T.* Structure and Process in Modern Societies. – New York: The Free Press, 1960. P. 199–225.

Parsons 1965 – *Parsons T.* On the Concept of Political Power // *Parsons T.* Politics and Social Structure. – New York: The Free Press, 1965. P. 312–404.

REFERENCES

Arendt H. (1972) *On Violence*. In: Arendt H. *Crises of the Republic*. New York: Harcourt Brace Jovanovich (Russian translation: Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2014).

Dahl R.A. (1957) The Concept of Power. *Behavioral Science*. Vol. 2, no. 3, pp. 201–215.

Luhmann N. (1975) *Macht*. Stuttgart: Enke (Russian translation: Moscow, Praksis, 2001).

Luhmann N. (2000) *Politik der Gesellschaft*. Frankfurt am Mein, Suhrkamp.

Lukes S. (1974) *Power: A Radical View*. London: Macmillan (Russian translation: Moscow: HSE Publishing House, 2010).

Mann M. (1993) *The Sources of Social Power: Volume 2, The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914*. Cambridge: Cambridge University Press (Russian translation: Moscow: Delo Publishing RANEPА, 2018).

Mann M. (2012) *The Sources of Social Power: Volume 3, Global Empires and Revolution, 1890–1945*. Cambridge: Cambridge University Press (Russian translation: Moscow: Delo Publishing RANEPА, 2018).

Nietzsche F. (2005) *Complete Works in 13 Vols. Volume 12: Outlines and Drafts*. Moscow: Kul'turnaya revolutsiya (in Russian).

Parsons T. (1960) The Distribution of Power in American Society. In: Parsons T. *Structure and Process in Modern Societies* (pp. 199–225). New York: The Free Press.

Parsons T. (1965) On the Concept of Political Power. In: Parsons T. *Politics and Social Structure* (pp. 312–404). New York: The Free Press.

Plato (1994) Statesman. In: Plato. *Collected Works in 4 Vols.* (Vol. 4, pp. 3–70). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Weber M. (2017) Basic Concepts in Sociology. In: Weber M. *Power and Politics*. (pp. P. 327–410). Moscow: RIPOL classic (Russian translation).